

DOPPELGANGERS AND MATRIXES: A NEW METHOD OF COMPARATIVE ANALYSIS

Irina V. Golovacheva

Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3873-490X>

Polina de Mauny

Université Sorbonne Nouvelle – Paris 3 (Paris, France)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6932-6429>

Mikhail Ye. Zhuravlev

Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4982-5487>

Abstract. The paper presents the results of the research of doppelgänger topos by means of quantitative analysis, namely, by elementary approach provided by graph theory. The idea to employ the approach belongs to M. Zhuravlev. Seven canonic texts chosen by I. Golovacheva and M. Zhuravlev (E. T. A. Hoffmann's "Die Doppelgänger", E. A. Poe's "William Wilson", Fyodor Dostoevsky's novella "The Double", Henry James's "The Jolly Corner", Joseph Conrad's "The Secret Sharer" and Vladimir Nabokov's *Despair*) are analyzed. Our point of departure was the archetypal attributes of the double highlighted in a seminal work by Otto Rank of 1914. Still, Rankian list of attributes had to be supplemented by a list of other, specifically 'poetic', attributes, by a set of diverse invariant motifs found in the above works of fiction, specified by I. Golovacheva and P. de Mauny. Incidence matrixes built for each of the four specific groups of attributes of the double allowed us to view the doppelgänger poetics as a whole and each of the chosen seven texts in particular. The quantitative method led to several new qualitative conclusions. For example, it demonstrated that Dostoevsky's "The Double" and Nabokov's *Despair* occupy opposite places in the set of doppelgänger texts: Dostoevsky's novella and Nabokov's short novel differ much in their comprehensiveness and typicality of doppelgänger imagery. Such a result allowed Golovacheva, Zhuravlev and de Mauny to reconsider the notion of the 'typical' in literary theory. The incidence matrix method also revealed the similarity of "William Wilson" and *Despair*. The objectivist comparative analysis and the subsequent close rereading of these two fictions prove, Golovacheva argues, that Poe's tale is one of the pre-texts of *Despair*, such intertextuality previously neglected in Nabokov studies.

Keywords: topos; doppelgänger; mathematical methods in literary criticism; comparative studies; Nabokov; E. A. Poe; Dostoevsky; E. T. A. Hoffmann; Henry James; Joseph Conrad; Henry de Regnier.

Для цитирования: Головачева, И. В. Двойники и матрицы: о новом методе компаративистского анализа / И. В. Головачева, П. В. Демони, М. Е. Журавлев. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 9–23. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-02-01.

For citation: Golovacheva, I. V., de Mauny, P., Zhuravlev, M. Ye. (2021). Doppelgängers and Matrixes: A New Method of Comparative Analysis. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 2, pp. 9–23. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-02-01.

Введение:

точные методы в литературоведении

Предлагая какой-либо математический метод моделирования литературного феномена¹, нелишним будет напомнить, что гипотетически к выводам, получаемым с помощью математики, можно прийти в рамках иных литературоведческих подходов. Тем не менее,

точные методы порой способны проложить быстрый и удобный путь к литературоведческим построениям.

Как и в предшествующей нашей работе, опубликованной в журнале «Новое литературное обозрение», мы намерены использовать количественный метод – на сей раз для исследования топоса *двойник* в западной

¹ Исследование выполнено на средства гранта Санкт-Петербургского государственного университета «Литературные тексты и их язык vs. количественные, корпусные и компьютерные методы: взаимное тестирование (Набоков и сопоставительный материал)», ID 70286404.

и русской литературе¹. Цель определяет средство: математический метод выбран другой. Исследование состоит из нескольких этапов. Сначала мы определим, что и как будет квантифицироваться, т. е. каким свойствам произведения и как будет приписана количественная мера. Затем проведем анализ собственно математическим методом и, наконец, осмыслим полученные результаты с точки зрения фактов литературной истории и теории. Обоснование первого этапа еще не является строго однозначным и математическим. Об успешности конкретного исследования, выполненного по этой схеме, можно будет судить по тому, насколько новыми и значимыми окажутся его результаты.

В данной работе мы используем элементарные подходы теории графов для исследования двойнических произведений. Это не первая попытка приложить методы данной теории к литературному анализу [Atkin 1972, 1982; O'Toole 1980; Golovacheva, Stroeve, Zhuravlev, de Mauny 2018]. На сей раз мы исследуем поэтику ряда классических двойнических текстов. Наш метод, как мы надеемся показать, позволяет выявить их общие черты и различия, связанные с исследуемым топосом, а также особенности поэтики двойничества, которые присущи отдельным произведениям из отобранной нами совокупности текстов.

Метод данного исследования

Первый этап нашего исследования предполагает отбор разумного количества художественных текстов, которые обычно классифицируются как проза о двойниках. Мы предпочли рассматривать сюжеты и мотивы рассказов и повестей о двойниках и не рассматривать романы, потому что типические признаки двойничества четче проступают в произведениях малой прозы. В фокусе нашего внимания находятся сюжеты, целиком выстроенные вокруг центрального события: раздвоения главного героя. Несомненно, число произведений, содержащих топос двойника, огромно. Однако мы ограничились не-

большим количеством текстов, созданных на протяжении более сотни лет и содержащих все признаки двойничества и их всевозможные комбинации. Таким образом, в наше исследование вошли семь канонических художественных произведений малой формы, относящихся к разным национальным литературам и различным художественным направлениям. Это тексты раннего и позднего романтизма – рассказы «Двойник» (“Die Doppelgänger”, 1821) Э. Т. А. Гофмана [кратко обозначаемый нами как «Двойник» ЭТАГ], «Вильям Вильсон» (“William Wilson”, 1839) Эдгара По; переходный от романтизма к реализму «Двойник» (1846) Ф. М. Достоевского [кратко обозначаемый нами как «Двойник» ФМД]; относящиеся к литературе модернизма «Веселый уголок» (“The Jolly Corner”, 1908) Генри Джеймса и «Тайный сообщник» (“The Secret Sharer”, 1910) Джозефа Конрада, а также символистская «Встреча» (“L'entrevue”, 1919) Анри де Ренья и, наконец, «Отчаяние» (1932–1934) – роман, а по существу повесть В. В. Набокова. Такой отбор, с нашей точки зрения, позволяет сделать выводы как о наиболее устойчивых, так и о единичных свойствах топоса «двойник», о его сходствах и различиях, оставив в стороне интертекстуальные связи между отобранными текстами²; он позволяет по-новому рассмотреть и глубинные изменения в мотиве «доппельгангер»³.

Разумеется, нет никакого способа выделить все без исключения атрибуты двойника и связанные с двойничеством инвариантные мотивы. Оговоримся сразу, что удвоение, т. е. возникновение доппельгангера как придатка, развивающегося в самостоятельную фигуру, мы считаем «сверхатрибутом», т. е. свойством, присущим всем без исключения произведениям о двойниках. Он учитывается по умолчанию и в рассматриваемые и квантифицируемые свойства нами не включен.

Первый тип свойств рассматриваемого топоса отражает характеристики двойника как архетипического феномена человеческой психики. По этой причине мы сочли логич-

¹ В работе [Головачева, Журавлев, Де Мони 2017] были получены оригинальные выводы, отличные от результатов, полученных нашими предшественниками-тургеневодами. См. дискуссию результатов: [Журавлев 2018; Рейтблат 2018; Уланов 2018].

² Об интертекстуальных связях между тремя произведениями – «Вильям Вильсон», «Двойник» Достоевского и «Веселый уголок» см. [Головачева 2017, 2021].

³ Об уточненном определении топоса см. [Жеребин 2011: 291].

ным обратиться к классической работе Отто Ранка «Двойник» (“Der Doppelgänger: Eine psychoanalytische Studie”, 1914, 1925), содержащей глубокий и всесторонний анализ двойничества как психического и культурного феномена. Ранковские атрибуты двойничества с момента выхода этой работы неоднократно использовались в анализе литературных текстов [Rosenfield 1963; Kimball 1976; Watt 1986; Zivkovic 2000]. Вместе с тем, описанные Ранком атрибуты двойника вполне ожидаемо ограничены психическими проявлениями и не затрагивают поэтику двойничества произведений. Поэтому мы добавили ряд свойств, представляющихся характерными для двойника как литературного топоса. Таким образом, *второй тип свойств* представляет собой набор инвариантных художественных мотивов, выделяемых в отобранных текстах.

Отобранные нами «психические» и «поэтические» атрибуты объединены в четыре группы: «Психические атрибуты топоса двойничества», «Физические атрибуты удвоения», «Биографические атрибуты топоса двойничества», «Свойства поэтики готической тайны, связанной с двойничеством». Для каждой из групп мы построим **матрицу инцидентности** [Касти 1982: 28–30], которая показывает, в каких именно произведениях встречается то или иное свойство. Затем мы определим степень сходства произведений внутри каждой группы и в итоге продемонстрируем сходства и отличия произведений, на основе совокупных свойств, обозначенных во всех четырех группах.

Опишем операции с матрицами, которые мы используем в нашем исследовании. Прежде всего, матрица – это прямоугольная таблица чисел. Приведем пример матрицы (обозначим ее А), состоящей из двух строк и трех столбцов:

2	3	-1
0	-2	2

Если мы поменяем местами строки и столбцы, то получим матрицу, которая называется транспонированной (обозначим ее А^Т):

2	0
3	-2
-1	2

Произведение двух матриц возможно, если число столбцов первого сомножителя совпадает с числом строк второго. Результат такого произведения представляет собой матрицу, в которой число, стоящее на пересечении *n*-ой строки и *m*-го столбца, представляет собой сумму парных произведений чисел *n*-ой строки первого сомножителя и чисел *m*-го столбца второго сомножителя. Например, умножение А на А^Т дает матрицу, состоящую из двух строк и двух столбцов:

14	-8
-8	8

В этой матрице число -8, стоящее на пересечении первой строки и второго столбца, получилось как результат вычисления выражения $2 \times 0 + 3 \times (-2) + (-1) \times 2$.

1. «Психические атрибуты топоса двойничества».

Все свойства этой группы заимствованы из исследования Отто Ранка и представлены в таблице 1. Прокомментируем лишь некоторые из них. Так, *Издательское подражание оригиналу* несомненно обнаруживается в «Вильяме Вильсоне» и «Двойнике» Достоевского, о чем говорят главные герои. Эти же тексты и «Веселый уголок» дают примеры атрибута *Отвращение при встрече с двойником* [см. Головачева 2017].

Таблица 1. Матрица инцидентности для свойств, отнесенных к группе «Психические атрибуты топоса двойничества»

	УЖАС	БЕЗУМИЕ	АГРЕССИЯ	НАРЦИССИЗМ	ТРЕВОЖНОСТЬ
Вильям Вильсон	1	1	0	0	1
Веселый уголок	1	0	1	0	1
Тайный сообщник	1	1	1	0	1
Встреча	0	0	0	0	0
Двойник (ФМД)	1	1	1	1	1
Двойник (ЭТАГ)	1	1	0	0	1
Отчаяние	1	1	1	1	1

	Злорадство Д-ка	Содействие / противодействие	Издательское подражание оригиналу	ОТВРАЩЕНИЕ ПРИ ВСТРЕЧЕ С ДВОЙНИКОМ
Вильям Вильсон	0	1	1	1
Веселый уголок	0	0	0	1
Тайный сообщник	0	1	0	0
Встреча	0	0	0	0
Двойник (ФМД)	1	1	1	1
Двойник (ЭТАГ)	0	0	0	0
Отчаяние	0	0	0	0

Матрица инцидентности устроена следующим образом. В клетке таблицы 1, находящейся на пересечении строки, соответствующей n -му произведению, и столбца, соответствующего m -му свойству, мы ставим «1», если это свойство обнаруживается в данном произведении. Например, на пересечении второй строки («Веселый уголок») и третьего столбца (*Агрессия*) стоит «1», поскольку эпизод борьбы Спенсера Брайдона с его двойником несомненно является сценой агрессии. У нас нет оснований говорить о безумии героя Джеймса, и потому на пересечении второй строки и второго столбца стоит «0». Таким образом мы заполняем матрицы инцидентности для всех групп признаков.

Сходство пары произведений определяется следующим образом. Мы определяем «индекс сходства» как число совпадений атрибутов. При этом совпадением считается наличие либо двух единиц, либо двух нулей в данном столбце. Матрицу индексов сходства можно получить как произведение матрицы инцидентности на транспонированную матрицу, если считать, что элементы 0 и 1 перемножаются по закону $1 \cdot 1 = 1$, $0 \cdot 0 = 1$, $1 \cdot 0 = 0$, $0 \cdot 1 = 0$. В результате мы получим симметричную матрицу сходства произведений, в которой на пересечении n -ой строки и m -го столбца стоит число совпадений по отношению к данной группе атрибутов. Напомним, что совпадением считается как присутствие данного атрибута в каждом из двух произведений, так и их одновременное отсутствие. Матрица индексов сходства произведений на основе группы «Психические атрибуты топоса двойничества» представлена в таблице 2.

Диагональные элементы (каждая цифра на диагонали матрицы) определяют сходство произведения с самим собой и потому всегда равны общему числу атрибутов в

данной группе, т. е. в данном случае равны 9. Разумеется, данная характеристика не несет никакой полезной информации. Элемент на пересечении n -ой строки и m -го столбца, $n \neq m$, представляет собой индекс сходства между n -м и m -м произведениями. Например, индекс сходства между «Вильямом Вильсоном» (первое произведение в таблице 1) и «Тайным сообщником» Дж. Конрада (третье произведение в той же таблице) равен 6. Как мы видели, таблица 1 показала шесть совпадений для этих произведений, причем четыре атрибута присутствуют в обоих произведениях, а два атрибута отсутствуют. Оставшиеся три атрибута (*Агрессия*, *Издательское подражание оригиналу*, *Отращение при встрече с двойником*) встречаются только в одном из этих двух произведений.

Таблица 2. Матрица индексов сходства произведений по признакам группы «Психические атрибуты топоса двойничества»

$$\begin{pmatrix} 9 & 5 & 6 & 3 & 6 & 6 & 4 \\ 5 & 9 & 6 & 5 & 4 & 6 & 6 \\ 6 & 6 & 9 & 4 & 5 & 7 & 7 \\ 3 & 5 & 4 & 9 & 0 & 6 & 4 \\ 6 & 4 & 5 & 0 & 9 & 3 & 5 \\ 6 & 6 & 7 & 6 & 3 & 9 & 7 \\ 4 & 6 & 7 & 4 & 5 & 7 & 9 \end{pmatrix}$$

Таблица 2 показывает, что самые похожие произведения с точки зрения «психических» атрибутов топоса двойничества – это четыре пары, для которых индекс сходства равен 7: («Тайный сообщник», «Двойник» Гофмана), («Тайный сообщник», «Отчаяние»), («Двойник» Гофмана, «Отчаяние»). Меньше всего сходства обнаруживаются между следующими произведениями, чей индекс сходства равен 0 («Встреча», «Двойник» Достоевского).

Помимо сходства и различия произведений мы можем посмотреть на совпадения и несоответствия тех или иных атрибутов по отношению ко всем отобранными нами произведениям. Для этого надо провести те же операции, которые мы проделали, чтобы получить таблицу 2: предварительно поменяв местами матрицу инцидентности и ее транспонированную матрицу, мы перемножаем транспонированную матрицу на исходную матрицу таблицы 1. Результат этой операции представлен в таблице 3. Степень совпадения или близости пары свойств будет тем больше, чем у большего числа произведений эти свойства одновременно присутствуют или одновременно отсутствуют. В дальнейшем мы не будем приводить таблицы матриц индексов сходства, но будем комментировать самые важные из полученных результатов таких операций.

На диагонали стоят семерки. Мы уже говорили о «неинформативности» диагонали матрицы сходства, т. к. атрибут тождествен сам себе. Обращаясь к недиагональным элементам матрицы, видим, что есть одна пара атрибутов, чей индекс равен 7, поскольку эти атрибуты либо одновременно встречаются, либо одновременно отсутствуют во всех рассматриваемых произведениях – это (*Ужас*, *Тревожность*).

Таблица 3. Матрица индексов сходства «Психических атрибутов топоса двойничества»

$$\begin{pmatrix} 7 & 6 & 5 & 3 & 7 & 2 & 4 & 3 & 4 \\ 6 & 7 & 4 & 4 & 6 & 3 & 5 & 4 & 3 \\ 5 & 4 & 7 & 5 & 5 & 4 & 4 & 3 & 4 \\ 3 & 4 & 5 & 7 & 3 & 6 & 4 & 5 & 4 \\ 7 & 6 & 5 & 3 & 7 & 2 & 4 & 3 & 4 \\ 2 & 3 & 4 & 6 & 2 & 7 & 5 & 6 & 5 \\ 4 & 5 & 4 & 4 & 4 & 5 & 7 & 6 & 5 \\ 3 & 4 & 3 & 5 & 3 & 6 & 6 & 7 & 6 \\ 4 & 3 & 4 & 4 & 4 & 5 & 5 & 6 & 7 \end{pmatrix}$$

Имеются пары, чей индекс сходства столь же высок – 6 (*Ужас*, *Безумие*), (*Безумие*, *Тревожность*), (*Злорадство двойника*, *Издевательское подражание оригиналу*), (*Содействие-противодействие*, *Издевательское подражание оригиналу*), (*Издевательское подражание оригиналу*, *Отвращение при встрече с двойником*). Наименее похожими оказываются пары, чей индекс сходства

равен 2: (*Ужас*, *Злорадство двойника*), (*Тревожность*, *Злорадство двойника*).

Итак, мы имеем одну подгруппу почти тождественных по частотности свойств: *Ужас*, *Тревожность*, *Безумие*, *Издевательское подражание оригиналу*. Следовательно, при изображении одного из этих проявлений психики, столкнувшейся с появлением двойника, автор почти всегда изображает и три другие эмоции. Очевидно, что уникальные сочетания психических атрибутов топоса двойника определяются различиями авторских поэтик.

2. «Физические атрибуты».

Следующая матрица инцидентности отражает сходства и различия в том же множестве произведений по отношению к группе свойств «Физические атрибуты удвоения». Все свойства, включенные нами в таблицу 4, как и те, что представлены в таблице 1, перечислены в книге Ранка.

Исследование с помощью матриц сходства по описанной выше схеме показывает, что самыми похожими парами произведений в смысле изображения физических проявлений удвоения персонажей и объектов оказываются тексты, индекс сходства которых равен 5: («Вильям Вильсон», «Тайный сообщник»), («Вильям Вильсон», «Отчаяние»). Пары самых непохожих произведений, значение индекса сходства которых равно 2: («Вильям Вильсон», «Встреча»), («Веселый уголок», «Двойник» Достоевского), («Веселый уголок», «Тайный сообщник»), («Веселый уголок», «Двойник» Гофмана). Наличие такого большого числа пар несхожих произведений, выделенных в данной группе свойств, гипотетически можно было бы объяснить желанием любого писателя создать ни на кого не похожего героя. Однако более существенным представляется другое объяснение. Сравнивая эти результаты с теми, которые получены для первой («психической») группы атрибутов, можно сделать вывод, что «физические» атрибуты менее однородны, т. е. что логика двойнической поэтики вовсе не предполагает их одновременного использования. Так, например, внимание автора к одинаковости облика двойника и оригинала вовсе не обязательно предполагает, что писатель озабочен и акцентированием отличий, например, их голосов, как в «Вильяме Вильсоне» Эдгара По, или считает важным дублировать знаковые объекты.

Таблица 4. Матрица инцидентности для свойств, отнесенных к группе «Физические атрибуты удвоения»

	Реальность двойника	НЕРЕАЛЬНОСТЬ двойника	Реальное сходство двойников	Воображаемое сходство двойников	Особенность голоса двойника	Сопутствующие объекты-знаки двойничества
Вильям Вильсон	1	0	0	1	1	1
Веселый уголок	1	1	0	1	0	0
Тайный сообщник	1	0	0	0	1	1
Встреча	0	0	0	0	0	0
Двойник (ФМД)	1	0	1	0	0	1
Двойник (ЭТАГ)	1	0	1	0	0	1
Отчаяние	1	0	0	1	0	1

Говоря о *Сопутствующих объектах-знаках*, особо отметим «Отчаяние». Даже краткий перечень дублированных образов в повести Набокова весьма впечатляет. В сознании Германа удваиваются *пространства* (возникают «исковерканные дубликаты» России; Тарниц видится ему составленным «из кусочков-плагиатов Москвы и Петербурга»), *памятники* (Медный всадник), *почерк* (Феликс пишет левой рукой, словно зеркально; «иррациональный почерк, минус-почерк, – что всегда напоминает мне зеркало, – минус на минус дает плюс» – в Главе 7), *носовой платок* (Герман и Феликс одновременно вынимают платки), его собственное *лицо* (оно удвоено портретом, который безуспешно пишет Ардальон), *палка с именем* (она служит иконическим знаком, чье назначение – указать на смерть героя).

Рассмотрим совпадения сходств и различий тех или иных «физических» атрибутов в разных произведениях. Таблица 4 показывает одну пару наиболее похожих свойств, чей индекс сходства равен 6 при теоретически возможном максимуме 7: (*Реальность двойника*,

Сопутствующие объекты-знаки двойничества). Помимо этой пары имеется пара свойств с индексом сходства 5: (*Нереальность двойника*, *Воображаемое сходство*). Пара наименее похожих свойств (индекс равен 1): (*Нереальность двойника*, *Сопутствующие объекты-знаки двойничества*). Индекс сходства 2 обнаруживается у двух пар свойств (*Реальность двойника*, *Нереальность двойника*), (*Реальное сходство двойников*, *Воображаемое сходство двойников*).

На основании рассчитанных индексов сходства можно сделать, в частности, вывод о том, что в большинстве произведений, где «объективно» подтверждается, что двойника видит не только главный герой, но и прочие персонажи, как правило использован и мотив *удвоения объектов*. Так, зеркало как механизм дублирования и самоузнавания используется и у По, и у Достоевского.

3. «Биографические атрибуты».

Свойства, отнесенные к «биографическим атрибутам двойничества», описываются следующей матрицей инцидентности (таблица 5).

Таблица 5. Матрица инцидентности для свойств, отнесенных к группе «Биографические атрибуты топоса двойничества». Курсивом выделены свойства, отсутствующие в книге О. Ранка

	ДЕТСТВО	АЛЬТЕРНАТИВА	ФИНАЛ-НАЧАЛО	РАЗРУШЕНИЕ ПЛАНОВ	СОПЕРНИЧЕСТВО ЗА ЛЮБОВЬ	ТАНАТОС
Вильям Вильсон	1	0	1	1	0	1
Веселый уголок	1	1	1	0	0	0
Тайный сообщник	0	0	1	1	0	0
Встреча	0	0	0	0	0	0
Двойник (ФМД)	0	0	1	1	1	1
Двойник (ЭТАГ)	1	0	1	1	1	0
Отчаяние	1	0	1	1	0	1

Поясним «биографические» атрибуты, добавленные нами к тем, что комментировал Ранк. Так, в ряде произведений мы находим

рассказ о ранних годах жизни героев. Порой это оказывается весьма существенным для интриги: в «Двойнике» Гофмана и в «Вильяме

Вильсоне» события, связующие героев, берут начало в раннем детстве. И напротив, в «Отчаянии» воспоминания о *Детстве* не имеют отношения к последующему воображаемому двойничеству.

Атрибут, обозначенный как *Альтернатива*, означает присутствие мотива параллельного альтернативного жизненного пути, символизируемого двойником. Оно обнаруживается лишь в джеймсовском «Веселом уголке», что и делает этот текст уникальным.

Свойство топоса, обозначенное как *Финал-Начало*, заключается в том, что конечная точка развития сюжета является одновременно начальной стадией нового этапа в судьбе персонажа. К такому радикальному повороту мы относим и гибель персонажа.

В данной матрице самая похожая пара, чей индекс сходства равен 6, т. е. максимально возможному значению, это («Вильям Вильсон», «Отчаяние»). Еще раз обратим внимание на то, что речь идет лишь о сходстве «биографических» элементов в сюжете о двойниках. Пара самых непохожих произведений, чей индекс сходства равен 1, это («Веселый уголок», «Двойник» Достоевского). Индекс сходства равный 2 находим у пар («Вильям Вильсон», «Встреча»), («Встреча», «Двойник» Гофмана), («Встреча», «Отчаяние»), («Встреча», «Двойник» Достоевского).

Сходство двойничества в «Вильяме Вильсоне» и «Отчаянии» прежде не было замечено набоковедами. О нем свидетельствуют таблицы 4 и 5. О вероятных причинах такой бли-

зости мы подробно скажем ниже. «Встреча» Анри де Ренье при анализе «биографических элементов» оказывается в исключительном положении: данная группа атрибутов в ней полностью игнорируется.

Посмотрим на сходства и различия «биографических» атрибутов в нашем множестве произведений. Высокая степень близости (индекс 6) обнаруживается у пары: (*Финал-Начало*, *Разрушение планов героя*). Индекс 5 получен для пар (*Детство*, *Финал-Начало*), (*Разрушение планов героя*, *Сигнал о гибели*). Пары наименее близких свойств (индекс близости равен 1): (*Альтернатива*, *Разрушение планов*).

4. «Таинственное».

Наконец, рассмотрим группу «Свойства поэтики готической тайны, связанной с двойничеством». Назовем эту группу кратко: «Таинственное» (таблица 6). К ранковским свойствам добавлены такие признаки, как *Сон*, *Тайна* и *Таинственный дом*. Мотив *Сна* часто включен в «таинственные истории» как средство создания атмосферы нереальности, имажинерности происходящего. Под *Тайной* мы понимаем некую загадку, окрашенную в готические тона. Так, совершенно фантастическим выглядит во «Встрече» дублирование мраморного бюста Альтиненго, на время пропавшего из музея, призраком, появившимся в зазеркальном пространстве его венецианского палаццо. Что до *Таинственного дома*, то он, как видно из таблицы 6, играет существенную роль в образности четырех из семи произведений.

Таблица 6. Матрица инцидентности для группы «Свойств поэтики готической тайны, связанной с двойничеством». Курсивом выделены свойства, отсутствующие в книге О. Ранка

	Сон	СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ	ТАЙНА	ТАИНСВЕННЫЙ ДОМ	СИГНАЛ О ГИБЕЛИ
Вильям Вильсон	1	1	0	1	1
Веселый уголок	1	1	0	1	0
Тайный сообщник	1	0	0	0	0
Встреча	0	1	1	1	0
Двойник (ФМД)	1	1	0	0	1
Двойник (ЭТАГ)	1	1	1	1	0
Отчаяние	1	0	0	0	1

Самые близкие пары произведений по «таинственным» признакам дают индекс сходства 4: («Вильям Вильсон», «Веселый уголок»), («Вильям Вильсон», «Двойник» Достоевского),

(«Веселый уголок», «Двойник» Гофмана), («Тайный сообщник», «Отчаяние»), («Встреча», «Двойник» Гофмана). Наименее похожие пары дают индекс близости 1: («Тайный сообщник», «Встре-

ча»), («Встреча», «Двойник» Достоевского), («Двойник» Гофмана, «Отчаяние»).

Самая близкая пара «таинственных» свойств – это (*Сверхъестественное, Таинственный дом*). Ее индекс сходства равен 6. Достаточно близкими являются (*Тайна, Таинственный дом*) с индексом, равным 5. Наименее близки здесь (*Сон, Тайна*), чей индекс равен 1. Пары (*Тайна, Сигнал о гибели*), (*Таинственный дом, Сигнал о гибели*) имеют индекс близости 2.

Заметим, что несмотря на то, что Набоков не стал вводить сверхъестественное в сюжет «Отчаяния», о чем свидетельствуют нули в последних столбцах последней строки таблицы 4, впечатляющее совокупное число прочих обнаруженных нами двойнических свойств указывает на то, что писатель последовательно и изобретательно выстраивал повесть вокруг дискурса удвоения.

Несколько замечаний по поводу подхода

Уместность квалификации того или иного свойства как существенного для топоса двойничества атрибута не может быть неоспоримо доказана, ведь в выборе свойств всегда есть элемент произвола авторов исследования. Можно ли в принципе, не входя в рассмотрение сути того или иного из выбранных нами признаков двойничества, предложить какие-либо формальные критерии его уместности? На наш взгляд, таким критерием может быть частота встречаемости свойства. Легко заметить, что выделенные нами «не-ранковские» атрибуты топоса встречаются приблизительно в том же проценте случаев, что и признаки двойничества, выделенные в работе Ранка и признанные последующими исследователями. Исключение составляют свойства, которые встречаются лишь в одном произведении. Мы выделили одно такое свойство: *Альтернативная биография*, относящееся к группе свойств «Биографические атрибуты двойничества». Вместе с тем, и среди ранковских свойств, учтенных в нашем перечне, встречаются те, что относятся лишь к одному произведению: *Злорадство двойника* («Двойник» Достоевского) и *Нереальность двойника* («Веселый уголок»). С нашей точки зрения, они являются важнейшими элементами поэтики отдельных двойнических произведений. Исключительность того или иного единично-

го атрибута в нашем количественном подходе естественно уменьшает сходство произведения, в котором оно присутствует, с любым другим произведением.

Обсудив редкие свойства, обратимся теперь к частотным, т. е. присутствующим почти во всех выбранных произведениях. Следует ли из этого, что такие атрибуты тривиальны? Очевидно, что «тривиальным» можно считать такой атрибут топоса, который обнаруживается во всех без исключения двойнических произведениях. Но таких атрибутов нет (исключение составляет «сверхатрибут», т. е. сам факт удвоения героя). В случае же, когда свойство отсутствует хотя бы в одном произведении, такой «упущенный» атрибут указывает на особенность поэтики конкретного текста.

Анализ результатов

Что можно извлечь из численных характеристик близости между произведениями, полученных с помощью нашего метода? Посмотрим на сходства и различия по всем четырем группам признаков. Для удобства перечислим пары близких произведений, полученные для каждой группы.

Психические атрибуты топоса двойничества: («Тайный сообщник», «Двойник» Гофмана), («Тайный сообщник», «Отчаяние»), («Двойник» Гофмана, «Отчаяние»).

Физические атрибуты удвоения: («Вильям Вильсон», «Тайный сообщник»), («Вильям Вильсон», «Отчаяние»).

Биографические элементы топоса двойничества: («Вильям Вильсон», «Отчаяние»).

Таинственное: («Вильям Вильсон», «Веселый уголок»), («Вильям Вильсон», «Двойник» Достоевского), («Веселый уголок», «Двойник» Гофмана), («Тайный сообщник», «Отчаяние»), («Встреча», «Двойник» Гофмана).

Теперь подсчитаем, в каком количестве этих пар встречается то или иное произведение. Результат представлен в таблице 7. Звездочка рядом с цифрой означает, что данное произведение входит в две одинаковые пары. Например, в перечисленные выше пары максимально близких произведений «Вильям Вильсон» входит пять раз и дважды обнаруживается в одной и той же паре («Вильям Вильсон», «Отчаяние») в группах «Физическое

проявление удвоения» и «Биографические элементы топоса двойничества». Поэтому мы пишем в соответствующей клетке таблицы 5*^{*}. То же самое справедливо и для «Отчаяния».

Остальные тексты, как видно из таблицы 7, встречаются в меньшем числе пар, причем все пары, в которых они присутствуют, различны.

Таблица 7. Число пар наиболее близких текстов, в которых встречается данное произведение

Вильям Вильсон	ВЕСЕЛЫЙ УГОЛОК	Тайный сообщник	ВСТРЕЧА	Двойник (ФМД)	Двойник (ЭТАГ)	ОТЧАЯНИЕ
5*	2	4	1	1	4	5*

Итак, мы видим двух «чемпионов» – это «Вильям Вильсон» и «Отчаяние». Все прочие произведения ближе всего именно к этим двум текстам. Несомненно, новелла По оказала определяющее влияние на последующие двойнические тексты западной и русской литературы – гораздо более сильное, чем самый ранний текст нашего множества, «Двойник» Гофмана. Причина, видимо, заключается в богатстве регистра двойнических смыслов и поэтических приемов, придуманных американским романтиком и переданных им «по наследству» последующей литературе о двойниках [Головачева 2014: 118–130].

«Отчаяние»

Близость повести Набокова к большому числу двойнических текстов нашего множества имеет совсем иное объяснение. Все атрибуты топоса, выявленные нами в «Отчаянии», присутствуют там в акцентированном, намеренно утрированном виде. В первой же сцене, служащей завязкой интриги с двойником (на самом деле *псевдодвойником*), сознание героя показано с помощью классического сочетания «психических атрибутов» топоса (*Ужас, Безумие и Тревожность*), сконцентрированных в одном предложении: «Я усомнился в действительности происходящего, в здравости моего рассудка, мне сделалось почти дурно – честное слово, – я сел рядом, – дрожали ноги» [Набоков 2006: 400]¹.

От внимания читателя не может ускользнуть особая роль зеркала (типичного предмета, относимого к *Сопутствующим объектам-знакам двойничества*) в «Отчаянии». Зеркало не просто регулярно, начиная с завязки

повести, возникает в тексте, но удостоено специального пассажа, содержащего и многократные повторы слова, и его зеркальное написание (олакрез/зеркало):

«*Страшная штука. <...> одного не употребляю. <...> А есть и кривые зеркала, зеркала-чудовища: малейшая обнаженность шеи вдруг удлиняется, а снизу, навстречу ей, вытягивается другая, неизвестно откуда взявшаяся марципановая нагота, и обе сливаются; <...>. Мне нечего бояться. Пустая суеверность. Вот я напишу опять это слово. Олакрез. Зеркало. И ничего не случилось. Зеркало, зеркало, зеркало. Сколько угодно, – не боюсь. Зеркало. Смотреться в зеркало» (курсив наш) [Набоков 2006: 409].*

В этой «зеркальной» цитате со всей очевидностью сцеплены сразу нескольких атрибутов топоса – *Нарциссизм* (в «обращенной форме»), *Отвращение при встрече с двойником*, *Безумие* (параноидальный бред), *Ужас* и *Тревога*.

В не менее концентрированном виде представлена констелляция свойств из группы «Физические проявления удвоения»: *Реальность двойника* и *Воображаемое сходство двойников*. Так, в Главе 1 протагонист признается в том, что «установление этого сходства шло от меня» и в том, что «видел в нем своего двойника, то есть существо, физически равное мне <...>. Он же видел во мне сомнительного подражателя» [Набоков 2006: 403].

Очевидное сходство набоковского текста с большинством рассмотренных произведений объясняется тем, что «Отчаяние» является палимпсестом, результатом отражения коллекции поэтических открытий предшественников и игры с ними². Так, мотив близящейся смерти, как и многие другие, связан

¹ Нелишне напомнить об уже исследованном набоковедами феномене «достоевичины» применительно к «Отчаянию» [Долинин 1999; Dolinin 1999].

² О претекстах «Отчаяния» см.: [Давыдов 1982; Carroll 1982; Connolly 1982; Davydov 1995].

ные с двойничеством, травестирован Набоковым – ведь по сюжету вместо героя гибнет именно двойник. Не имея возможности привести здесь внушительный перечень доказательств, ограничимся лишь несколькими. Так, например, Набоков неоднократно мастерски обыграл мотив «мнимого родства» (*Реальное сходство двойника* из группы «биографические атрибуты»). В Главе 5 звучит реплика Германа, обращенная к Феликсу:

«Кровь, Феликс, у нас разная, – разная, голубчик, разная. Я родился в тысяче верстах от твоей колыбели, и честь моих родителей, как – надеюсь – и твоих, безупречна. Ты единственный сын, я – тоже. Так что ни ко мне, ни к тебе никак не может явиться этакий таинственный брат, которого, мол, ребенком украли цыгане» [Набоков 2006: 442].

Травестия поддержана и историей, сочиненной Германою для жены, о якобы имеющемся у него брате-близнеце.

Особенно гротескным выглядит и намеренно пошлое эротически-двойническое «сочиненьице» Германа об Игреке Иксовиче (Глава 6). В этой поделке травестирован такой атрибут топоса, как *Соперничество за любовь* (см. группу «биографические атрибуты»).

Связь текстов По и Набокова, насколько нам известно, не удостоилась специального внимания критиков. А между тем, в «Отчаянии» обнаруживается ряд прямых отсылок к По. Так, в Главе 3 Герман признается: «А знаю я все, что касается литературы. Всегда была у меня эта страстишка. В детстве я сочинял стихи и длинные истории. Я <...> никогда не хоронил живьем кошек» [Набоков 2006: 423]. Это признание со всей очевидностью отсылает читателя к литературному источнику, где по сюжету заживо захоронен (замурован) кот, т. е. к новелле По «Черный кот»¹.

Есть в «Отчаянии» и другие прямые отсылки к По и, что не случайно, к «Вильяму Вильсону». Назовем два ярких примера этой интертекстуальности. Первый обнаруживается еще в Главе 1, когда Герман пристально разглядывает спящего Феликса. Подчеркнув отсутствие у Германа каких-либо сомнений в его сходстве с Феликсом, Набоков обыгрывает соответствующую сцену По, когда Вильсон приходит

в спальню двойника в школе-пансионе и бесплодно пытается определить, действительно ли они с ним похожи: «Неужели это... это лицо Вильяма Вильсона? <...> Что же в этом лице так меня поразило? ...Когда он бодрствовал, в свете дня, он был не такой, как сейчас, нет, конечно, не такой» (курсив наш) [По 1980: 101].

Сравним с признанием набоковского Германа: «Феликс на снимке был не так уж похож на меня, – конечно, это без труда могло сойти за мою фотографию, – но все-таки мне было странно, – и тут я подумал: вот настоящая причина тому, что он мало чувствовал наше сходство <...>» (курсив наш) [Набоков 2006: 503]. Данная цитата – свидетельство того, что Набоков вслед за По эффектно использовал в произведении *Воображаемое сходство двойников*, сделав именно этот атрибут топоса стержнем сюжета.

Сцена убийства у Набокова безошибочно указывает на тот же претекст. Посмотрим на описание гибели двойника в «Вильяме Вильсоне»:

«Там, где еще минуту назад я не видел ничего, стояло огромное зеркало <...> и когда я в неопределимом ужасе шагнул к нему, навстречу мне нетвердой походкой выступило мое собственное отражение, но с лицом бледным и обрызганным кровью. Я сказал – мое отражение, но нет. То был мой противник – предо мною в муках погибал Вильсон» (курсив наш) [По 1980: 108].

Сравним со сценой убийства Феликса и с тем, как Герман всматривается в его труп: «Теперь, когда в полной неподвижности застыли черты, сходство было такое, что, право, я не знал, кто убит – я или он. И <...> глядя на расплывшееся, все тише звеневшее лицо передо мной, мне казалось, что я гляжу в недвижимую воду» (курсив наш) [Набоков 2006: 502]. Вряд ли можно счесть простой случайностью полное совпадение такого комплекса мотивов, как *убийство, отражение и идентичность*, в ключевых сценах новеллы По и романа Набокова.

Немаловажно и то, что как в «Вильяме Вильсоне», так и в «Отчаянии» авторы используют парадоксальную структуру фикции [Лакманн 2009: 349]: оба писателя делают протагонистов-убийц сочинителями тех самых текстов, которые предьявляются читателю. Все

¹ О раннем увлечении Набокова Эдгаром По см.: [Набоков о Набокове 2002: 154, 179]. См. также: [Мельников 2005].

перечисленное указывает на рассказ По как на важный претекст «Отчаяния».

О типическом: сходство и несходство

Особую проблему представляют результаты квантитативного анализа «Двойника» Достоевского. Мы видим в этой повести впечатляющее изобилие атрибутов топоса двойничества: все до единого «психические» атрибуты, 3 из 6 «физических», 4 из 6 «биографических» и 3 из 5 «таинственных». Однако само по себе большое количество обнаруживаемых атрибутов не позволило этому тексту превысить индекс 1 в таблице 7. В нашем подходе совокупная близость конкретного произведения к другим текстам определяется как количеством одинаковых присутствующих свойств, так и количеством одинаковых отсутствующих свойств.

В связи с этим заметим, что о *типичности произведения* можно говорить в двух разных смыслах. *Первый* (самый простой) – это наличие большого итогового числа атрибутов, как в «Двойнике» Достоевского. Но, как мы только что объяснили, похожими в нашем подходе являются те произведения, в которых наборы присутствующих и отсутствующих атрибутов близки. Среди таких произведений, как видно из таблицы 7, имеются те, которые похожи на большое количество других произведений, и именно в этом, *втором*, смысле «Вильям Вильсон» и «Отчаяние» являются «типичными произведениями» о двойниках. Таблица 7 показывает, насколько далеки друг от друга эти два определения типичности: «типичный» в первом смысле «Двойник» Достоевского попал лишь в одну пару максимально близких текстов, что подтверждает его уникальность.

Остановимся отдельно и на *несхожести* текстов, выявленной нашим методом. Для удобства перечислим найденные пары наименее близких (иными словами, наиболее далеких) произведений, полученные для каждой группы.

Психические атрибуты: («Встреча», «Двойник» Достоевского).

Физические атрибуты: («Вильям Вильсон», «Встреча»), («Веселый уголок», «Двойник» Достоевского), («Веселый уголок», «Тайный сообщник»), («Веселый уголок», «Двойник» Гофмана).

Биографические атрибуты: («Веселый уголок», «Двойник» Достоевского); («Вильям Виль-

сон», «Встреча»), («Встреча», «Двойник» Гофмана), («Встреча», «Отчаяние»), («Встреча», «Двойник» Достоевского).

Таинственное: («Тайный сообщник», «Встреча»), («Встреча», «Двойник» Достоевского), («Двойник» Гофмана, «Отчаяние»).

Прежде всего, мы видим, что «Двойник» Достоевского входит в пары наименее близких произведений, встречающиеся во всех четырех группах признаков. О характере отличия «Двойника» Достоевского от других произведений мы сказали выше. «Встреча» Анри де Ренья входит в пары наименее близких произведений в трех группах из четырех. Что касается группы «Биографические атрибуты топоса двойничества», то здесь пара с наименьшим индексом близости, равным 1, – («Веселый уголок», «Двойник» Достоевского), но во всех четырех парах с индексом близости 2, т. е. также с очень низким значением индекса близости, мы находим «Встречу». Таким образом, по всей совокупности свойств топоса двойничества «Встреча» – самое непохожее на все остальные произведение. Оно противоположно «Двойнику» Достоевского: в тексте де Ренья обнаруживается незначительное количество атрибутов анализируемого топоса. Это со всей очевидностью указывает на то, что «Встреча» является *псевдо-двойническим* произведением, точнее, текстом, где раздваивается отнюдь не главный герой. Таким образом, неудивительно, что «Встреча» и «Двойник» Достоевского, т. е. псевдо-двойнический текст, с одной стороны, и текст, включающий наибольшее число двойнических признаков, с другой, образуют одну из наименее близких пар.

«Веселый уголок» Джеймса, как видно из таблицы 7, также встречается достаточно часто – в четырех парах наименее близких произведений. Три из четырех пар наименьшей близости, к которым принадлежит это произведение, относятся к парам, полученным из анализа «Физических атрибутов удвоения». Думается, уникальность новеллы Джеймса обусловлена тем, что из всех двойников в семи наших текстах лишь *alter ego* Спенсера Брайдона безусловно характеризуется признаком «не-реальность» [Golovacheva 2018].

Исключительность «Двойника» Достоевского, «Отчаяния» Набокова и «Встречи» де Ренья обусловлена, как видим, тем, что в ка-

ждом из них уникальным образом сочетаются разнородные признаки.

Заключение

Подытоживая полученные результаты, отметим: несмотря на то, что тезис о своеобразии каждого из выбранных нами двойнических текстов кажется самоочевидным, основным хотя бы на факте их принадлежности разным эпохам и национальным литературам, на самом деле характер этой уникальности совсем не столь прозрачен и требует вдумчивого исследования.

Наш метод, во-первых, дал возможность по-новому оценить категории сходства и различия при сопоставлении текстов, выстроенных вокруг одного центрального топоса. Во-вторых, он показал, что именно «Двойник» Достоевского и «Отчаяние» Набокова занимают уникальные (противоположные) места во множестве текстов про допфельгангеров. Наш

количественный подход позволил сделать качественные выводы об особенностях выбранных произведений, по-новому взглянуть на литературоведческую категорию топоса применительно к двойническим произведениям, предоставив в наше распоряжение объективистский способ оценить его насыщенность и вариативность на конкретных примерах. В-третьих, благодаря математическому подходу нам удалось сделать новые выводы, касающиеся как конкретных произведений о двойниках, так и совокупности наиболее репрезентативных классических двойнических текстов. Именно анализ в рамках теории графов позволил обратить внимание на сходство текстов Эдгара По и Набокова и определить прецедентную роль «Вильяма Вильсона» в «Отчаянии». Данный метод, по-видимому, окажется столь же перспективным (емким и наглядным) и в компаративистских исследованиях, выходящих за пределы сравнительного изучения топосов.

Литература

- Головачева, И. Битва alter ego: от По до Генри Джеймса / И. Головачева // По, Бодлер, Достоевский: Блеск и нищета национального гения / под ред. С. Фокина и А. Ураковой. – Москва : Новое литературное обозрение, 2017. – С. 176–188.
- Головачева, И. Фантастика и фантастическое. Поэтика и прагматика англо-американской фантастической литературы / И. Головачева. – СПб. : Петрополис, 2014. – 419 с.
- Головачева, И. В. Формулы любви: математическое моделирование любовных сюжетов / И. В. Головачева, М. Е. Журавлев, П. Де Мони // Новое литературное обозрение. – 2017. – № 147. – С. 151–169.
- Давыдов, С. «Тексты-матрешки» Владимира Набокова / С. Давыдов. – Munchen : Otto Sagner, 1982.
- Де Ренье, А. Собрание сочинений : в 17 (19) т. Т. 16. Загадочные истории / А. де Ренье. – Л. : Academia, 1923–1927. – 216 с.
- Джеймс, Г. Повести и рассказы / Г. Джеймс ; пер. с англ., сост. и вступ. статья А. Зверева ; комм. Н. Рак. – Л. : Худож. лит., 1983. – 688 с.
- Долинин, А. Набоков, Достоевский и достоевщина / А. Долинин // Литературное обозрение. – 1999. – Т. 2. – С. 38–46.
- Достоевский, Ф. М. Собрание сочинений : в 15 т. Т. 1: Повести и рассказы: 1846–1847 / Ф. М. Достоевский ; сост. Т. И. Орнатская, Г. М. Фридлиндер. – Л. : Наука, 1988. – 462 с.
- Жеребин, А. И. Цитата Михайлова из Курциуса и ее обратный перевод / А. И. Жеребин // Вопросы литературы. – 2011. – № 4. – С. 290–301.
- Журавлев, М. Письмо в редакцию / М. Журавлев // Новое литературное обозрение. – 2018. – Т. 154. – С. 437–439.
- Касти, Дж. Большие системы. Связность, сложность и катастрофы / Дж. Касти ; пер. с англ. Ю. П. Гупало и А. А. Пионтковского. – М. : Мир, 1982. – 216 с.
- Конрад, Дж. Тайный сообщник : сборник / Дж. Конрад ; пер. с англ. А. В. Кривцовой, М. П. Богословской. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1991. – 160 с.
- Лахманн, Р. Дискурсы фантастического : пер. с нем. / Р. Лахманн. – М. : Новое литературное обозрение, 2009. – 384 с.
- Мельников, Н. Детектив, воспринятый всерьез... Философские «антидетективы» В. В. Набокова / Н. Мельников // Вопросы литературы. – 2005. – № 4. – С. 76–91.
- Набоков о Набокове и прочем: Интервью, рецензии, эссе / сост., предисл., коммент., подбор иллюстраций Н. Г. Мельникова. – М. : Независимая Газета, 2002. – 704 с.
- Набоков, В. В. Собрание сочинений русского периода. Т. 3 / В. В. Набоков ; сост. Н. И. Артеменко-Толстой ; пред. А. А. Долинина ; прим. М. Э. Маликовой. – СПб. : Симпозиум, 2000. – 848 с.
- По, Э. Рассказы : пер. с англ. / Э. По. – М. : Художественная литература, 1980. – 351 с.
- Ранк, О. Двойник / О. Ранк. – СПб. : Скифия-принт, 2017. – 196 с.
- Рейтблат, А. И. Ответ на письмо М. Журавлева в редакцию «НЛО» / А. И. Рейтблат // Новое литературное обозрение. – 2018. – № 154. – С. 439–441.

- Уланов, А. М. Ответ на письмо М. Журавлева в редакцию «НЛО» / А. М. Уланов // Новое литературное обозрение. – 2018. – № 154. – С. 441–443.
- Atkin, R. From Cohomology in Physics to q-connectivity in Social Science / R. Atkin // *International Journal of Man-Machine Studies*. – 1972. – Vol. 4. – P. 139–167.
- Atkin, R. *Multidimensional Man* / R. Atkin. – Harmondsworth, New York : Penguin Books, 1982. – 208 p.
- Carroll, W. C. The Cartesian Nightmare of *Despair* / W. C. Carroll // *Nabokov's Fifth Arc* / ed. J. E. Rivers, Ch. Nicol. – Austin, TX : University of Texas Press, 1982. – P. 82–104.
- Connolly, J. The Function of Literary Allusion in Nabokov's *Despair* / J. Connolly // *The Slavic and East European Journal*. – 1982. – V. 26, № 3. – P. 302–313.
- Davydov, S. «Despair» / S. Davydov // *The Garland Companion to Vladimir Nabokov* / ed. V. E. Alexandrov. – New York : Garland, 1995. – P. 88–101.
- Dolinin, A. Nabokov, Dostoevsky, and 'Dostoevskyness' / A. Dolinin // *Russian Studies in Literature: A Journal of Translations*. – 1999. – V. 35 (4). – P. 42–60.
- Golovacheva, I. In Search of the Doppelgänger: Homecoming from Exile / I. Golovacheva // *European Writers in Exile* / ed. R. C. Hauhart, J. Birkenstein. – Lanham, (Maryland) : Lexington Books (Rowman & Littlefield), 2018. – P. 169–185.
- Golovacheva, I. From Poe to James via Dostoevsky: Doppelgängers in American and Russian Short Story / I. Golovacheva // *Connection and Influence in the Russian and American Short Story* / ed. J. Birkenstein, R. Hauhart. – Lexington Books (Rowman & Littlefield), 2021. – P. 35–46.
- Golovacheva, I. An Invitation to Mathematical Modelling of Artistic Space in Literary Criticism: Masochism Reconsidered / I. Golovacheva, A. Stroev, M. Zhuravlev, P. de Mauny // *Mathematics as a Bridge Between the Disciplines : Proceedings of MACAS Symposium. 27 June – 29 June 2017* / ed. C. Michelsen, A. Beckmann, V. Freiman, U. T. Jankvist. – Copenhagen : University of Southern Denmark, 2018. – P. 125–140.
- Kimball, J. James Joyce and Otto Rank: The Incest Motif in "Ulysses" / J. Kimball // *James Joyce Quarterly*. – 1976. – Vol. 13, № 3. – P. 366–382.
- O'Toole, L. Dimensions of Semiotic Space in Narrative / L. O'Toole // *Poetics Today*. – 1980. – Vol. 1, № 4. – P. 135–149.
- Rosenfeld, Cl. The Shadow within: The Conscious and Unconscious Use of the Double / Cl. Rosenfeld // *Daedalus*. – 1963. – Vol. 92, № 2. – P. 326–344.
- Watt, St. O'Neill and Otto Rank: Doubles, "Death Instincts" and the Trauma of Birth / St. Watt // *Comparative Drama*. – 1986. – Vol. 20, № 3. – P. 211–230.
- Zivkovic, M. The Double as The "Unseen" of Culture: Toward A Definition of Doppelgänger / M. Zivkovic // *Facta Universitatis. Series: Linguistics and Literature*. – 2000. – Vol. 7 (2). – P. 121–128.

References

- Atkin, R. (1972). From Cohomology in Physics to q-connectivity in Social Science. In *International Journal of Man-Machine Studies*. Vol. 4, pp. 139–167.
- Atkin, R. (1982). *Multidimensional Man*. Harmondsworth, New York, Penguin Books. 208 p.
- Carroll, W. (1982). The Cartesian Nightmare of "Despair". In Rivers, J. E., Nicol, Ch. (Eds.). *Nabokov's Fifth Arc*. Austin, TX, University of Texas Press, pp. 82–104.
- Casti, J. (1982) *Bol'shie sistemy. Svyaznost', slozhnost' i katastrofy* [Connectivity, Complexity and Catastrophe in Large-Scale Systems]. Moscow, Mir. 216 p.
- Connolly, J. (1982). The Function of Literary Allusion in Nabokov's *Despair*. In *The Slavic and East European Journal*. Vol. 26. No. 3, pp. 302–313.
- Conrad, G. (1991). *Taynyi soobshchik* [The Secret Sharer] / transl. by A. V. Krivtsova, M. P. Bogoslovskaya. Novosibirsk, Nauka. Sibirskoe otdelenie. 160 p.
- Davydov, S. (1982). «Teksty-matreshki» Vladimira Nabokova ["Matryoshka-Like Texts" of Vladimir Nabokov]. Munchen, Otto Sagner.
- Davydov, S. (1995). *Despair*. In Alexandrov, V. E. (Ed.). *The Garland Companion to Vladimir Nabokov*. New York, Garland, pp. 88–101.
- de Regnier, H. (1924). *Sobranie sochinenii: v 17 (19) t.* [Complete Works, in 17 (19) vols.]. Vol. 16. Zagadochnye istorii. Leningrad, Academia. 216 p.
- Dolinin, A. (1999). Nabokov, Dostoevskii i dostoevshchina [Nabokov, Dostoevsky and 'Dostoevskyness']. In *Literaturnoe obozrenie*. No. 2, pp. 38–46.
- Dolinin, A. (1999). Nabokov, Dostoevsky, and 'Dostoevskyness.' In *Russian Studies in Literature: A Journal of Translations*. Vol. 35 (4), pp. 42–60.
- Dostoevsky, F. M. (1988). *Sobranie sochinenii: v 15 t.* [Complete Works, in 15 vols.]. Vol. 1: Povesti i rasskazy: 1846–1847 / ed. by T. I. Ornatskaya, G. M. Fridlender. Leningrad, Nauka. 462 p.
- Golovacheva, I. (2014). *Fantastika i fantasticheskoe. Poetika i pragmatika anglo-amerikanskoi fantasticheskoi literatury* [Fantastika and the Fantastic: Poetics and Pragmatics of Speculative Fiction]. Saint Petersburg, Petropolis. 419 p.
- Golovacheva, I. (2017). Bitva alter ego: ot Po do Genri Dzheimsa [Battling the *Alter Ego*: From Poe to Henry James]. In Fokin, S., Urakova, A. (Eds.). *Po, Bodler, Dostoevskii: Blesk i nishcheta natsional'nogo geniya*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 176–188.
- Golovacheva, I. (2018). In Search of the Doppelgänger: Homecoming from Exile. In Hauhart, R. C., Birkenstein, J. (Eds.). *European Writers in Exile*. Lanham, (Maryland), Lexington Books (Rowman & Littlefield Publ.), pp. 169–185.
- Golovacheva, I. (2021). From Poe to James via Dostoevsky: Doppelgängers in American and Russian Short Story. In Birkenstein, J., Hauhart, R. (Eds.). *Connection and Influence in the Russian and American Short Story*. Lanham, (Maryland), Lexington Books (Rowman & Littlefield Publ.), pp. 35–46.

Golovacheva I. V., de Mauny P., Zhuravlev M. Ye. Doppelgangers and Matrixes: A New Method of Comparative...

Golovacheva, I. V., Stroev, A., Zhuravlev, M., de Mauny, P. (2018). An Invitation to Mathematical Modelling of Artistic Space in Literary Criticism: Masochism Reconsidered. In Michelsen, C., Beckmann, A., Freiman, V., Jankvist, U. T. (Eds.). *Mathematics as a Bridge Between the Disciplines: Proceedings of MACAS Symposium. 27 June – 29 June 2017*. Copenhagen, University of Southern Denmark, pp. 125–140.

Golovacheva, I. V., Zhuravlev, M. E., DeMauny, P. (2017). Formuly lyubvi: matematicheskoe modelirovanie lyubovnykh syuzhetov [Formulas of Love: Mathematical Modelling of Love Plots]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 147, pp. 151–169.

James, G. (1983). *Povesti i rasskazy* [Novellas and Short Stories] / trans. by A. Zverev. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura. 688 p.

Kimball, J. (1976). James Joyce and Otto Rank: The Incest Motif in “Ulysses”. In *James Joyce Quarterly*. Vol. 13 (3), pp. 366–382.

Lachmann, R. (2009). *Diskursy fantasticheskogo* [Discourses of the Fantastic (Erzählte Phantastik)]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 384 p.

Mel'nikov, N. (2005). Detektiv, vosprinyaty vser'ez... Filosofskie «antidetektivy» V. V. Nabokova [Detective Story Taken Seriously... The Philosophical 'Anti-Detective Story' of V. V. Nabokov]. In *Voprosy literatury*. No. 4, pp. 76–91.

Mel'nikov, N. G. (Ed.). (2002). *Nabokov o Nabokove i prochem: Interv'yū, retsenzii, esse* [Nabokov on Nabokov: Interviews, Reviews, and Essays]. Moscow, Nezavisimaya Gazeta. 704 p.

Nabokov, V. V. (2000). *Sobranie sochinenii russkogo perioda. T. 3* [Collected Russian Language Works. Vol. 3] / ed. by N. I. Artemenko-Tolstoy, preface by A. A. Dolinin. Saint Peteresburg, Simpozium. 848 p.

O'Toole, L. (1980). Dimensions of Semiotic Space in Narrative. In *Poetics Today*. Vol. 1. No. 4, pp. 135–149.

Poe, E. (1980). *Rasskazy* [Tales]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 351 p.

Rank, O. (2017). *Dvoynik* [Der Doppelgänger]. Saint Petersburg, Skifiya-print. 196 p.

Reytblat, A. I. (2018). Otvet na pis'mo M. Zhuravleva v redaktsiyu «NLO» [A Response to Zhuravlev's Letter to 'NLO']. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. Vol. 154, pp. 439–441.

Rosenfield, Cl. (1963). The Shadow Within: The Conscious and Unconscious Use of the Double. In *Daedalus*. Vol. 92. No. 2, pp. 326–344.

Ulanov, A. M. (2018). Otvet na pis'mo M. Zhuravleva v redaktsiyu «NLO» [A Response to Zhuravlev's Letter to 'NLO']. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. Vol. 154, pp. 441–443.

Watt, St. (1986). O'Neill and Otto Rank: Doubles, “Death Instincts” and the Trauma of Birth. In *Comparative Drama*. Vol. 20. No. 3, pp. 211–230.

Zherebin, A. I. (2011). Tsitata Mihailova iz Kurtsiusa i ee obratnyi perevod [Mikhailov's Quotation from Curtius and Its Back Translation]. In *Voprosy literatury*. No. 4, pp. 290–301.

Zhuravlev, M. (2018). Pis'mo v redaktsiyu [A Letter to the Editorial Board]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. Vol. 154, pp. 437–439.

Zivkovic, M. (2000). The Double as the “Unseen” Of Culture: Toward A Definition of Doppelgänger. In *Facta Universitatis, Series: Linguistics and Literature*. Vol. 7 (2), pp. 121–128.

Данные об авторах

Головачева Ирина Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры междисциплинарных исследований в области языков и литературы, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9.

E-mail: igolovacheva@gmail.com.

Демони Полина Валерьевна – магистр филологии (Санкт-Петербургский государственный университет), магистр Сложных систем, магистр филологии Университета Новая Сорбонна – Париж III, аспирант, Университет Новая Сорбонна – Париж III (Париж, Франция).

Адрес: 17 rue de la Sorbonne, Esc. C, 75005 Paris, France.

E-mail: polina.demauny@gmail.com.

Журавлев Михаил Евгеньевич – доктор физико-математических наук, профессор кафедры проблем конвергенции естественных и гуманитарных наук, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9.

E-mail: myezhur@gmail.com.

Authors' information

Golovacheva Irina Vladimirovna – Doctor of Philology, Professor of Department of Interdisciplinary Studies in the Field of Languages and Literature, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia).

de Mauny Polina – MA from Saint Petersburg State University (Complex Systems, Russian Literature), MA from Université Sorbonne Nouvelle Paris 3 (Comparative Literature), Postgraduate Student, Université Sorbonne Nouvelle – Paris 3 (Paris, France).

Zhuravlev Mikhail Yevgenievich – Doctor of Physics and Mathematics, Professor of Department of the Problems of Convergence in Natural Sciences and Humanities, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia).